

Абиссинію подобно тому, какъ въ 1622 году это случилось съ синайскимъ монахомъ, который выдавалъ себя за посланца александрійскаго патріарха? ¹⁾).

Итакъ, эти извѣстія житія не могутъ быть нами ни приняты, ни отвергнуты. Кромѣ нихъ есть еще интересная замѣтка о томъ, что царь Іоаннъ многія племена страны Аговъ „обратилъ во Господу нашему Іисусу Христу, крестилъ ихъ христіанскимъ, крещеніемъ и выстроилъ имъ церкви въ каждомъ городѣ“. Дѣйствительно, еще Альмейда описываетъ племя Аговъ, какъ настоящихъ язычниковъ, крайне преданныхъ фетишизму, почитающихъ творца неба Добана, а также источники, нѣкоторые роды травъ и деревьевъ, и приносящихъ имъ въ жертву коровъ ²⁾)... Вгусе во время своего пребыванія у этого народа даже видѣлъ, какъ они приносятъ корову въ жертву истокамъ Нила; онъ говоритъ, что по убѣжденіямъ іезуитовъ, еще Села-Крестосъ построилъ на этомъ самомъ священномъ для язычниковъ мѣстѣ (обычный пріемъ латинскихъ миссій) церковь во имя Архангела Михаила, которая при Вгусе стояла запертой и, какъ онъ полагаетъ, не открывалась со времени своего основателя ³⁾). Синаксарное житіе заканчивается замѣткой о перенесеніи мощей „въ другое мѣсто“, причемъ было слышно благоуханіе. „Тамъ оно и теперь, причемъ изъ гроба истекаютъ многія знаменія и чудеса“. Извѣстіе о перенесеніи мощей находится въ хроникѣ, изданной Peggichon ⁴⁾, гдѣ на поляхъ противъ словъ: „скончался въ Гондарѣ 15-го хамлэ и былъ погребенъ въ Цадда“, стоитъ: „его тѣло взяли съ этого мѣста и помѣстили въ Мепрахѣ въ новомъ сооруженіи“. Мепраха — одинъ изъ острововъ на озерѣ Цана.

¹⁾ Pereira, Susenyos, cap. 68.

²⁾ Pereira, Susenyos, II, 382 sq.

³⁾ Bruce, Voyage aus sources du Nil, IX, 389—398.

⁴⁾ Revue Sémitique, VII, 172.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы разсмотрѣли болѣе или менѣе подробно до 25 житій святыхъ эіопской церкви, краткихъ и пространныхъ. Обнимая собою почти двѣнадцать вѣковъ абиссинскаго христіанства, они далеко не заключаютъ въ себѣ всего агіологическаго матеріала своей церкви и даже той его части, которая имѣется въ Европѣ. Если, тѣмъ не менѣе, мы находимъ возможнымъ уже теперь подвести итоги нашей работѣ и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія общаго характера, то право на это намъ даетъ свойство матеріала, на которомъ мы основываемся. Онъ заключаетъ въ себѣ жизнеописанія святыхъ, наиболѣе чтимыхъ и оставившихъ болѣе замѣтные слѣды въ исторіи страны; это — житія особенно охотно переписываемыя и читаемыя, пользующіяся наибольшимъ распространеніемъ, а потому до извѣстной степени типичныя.

Интересъ и важность житій туземныхъ святыхъ не подлежитъ сомнѣнію уже а priori потому, что они представляютъ произведенія національной литературы. Для изслѣдователя эіопской письменности это положеніе имѣетъ особое значеніе, такъ какъ матеріалъ, подлежащій его изученію; главной своей массой состоитъ изъ переводовъ; житія, на ряду съ національными лѣтописями и произведеніями церковной

поэзии, представляют рѣдкія явленія оригинальной литературы. Уже это одно даетъ имъ право на вниманіе. Но житія національныхъ святыхъ вездѣ представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и историческій источникъ. Что абиссинскія въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія, высказалъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, Райтъ, послѣ своихъ работъ надъ богатой магдальской коллекціей. Если Дюнсингъ, разбирая въ своей диссертациіи вторую половину синаксаря, пришелъ къ выводу: „мы открыли лишь немного золотыхъ зеренъ среди массы мякины“, то это найдетъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ томъ, что краткія синаксарныя повѣствованія о святыхъ составлялись съ другой точки зрѣнія и имѣли другое назначеніе, чѣмъ ихъ пространныя житія. Послѣднія представляютъ обширные трактаты, правда, скорѣе панегирическаго и назидательнаго, чѣмъ историко-біографическаго характера, но предназначенные для церковнаго чтенія въ день праздника мѣстнаго святого, для возобновленія въ памяти почитателей его всѣхъ по возможности его подвиговъ и всѣхъ обстоятельствъ его жизни; агіобіографъ не былъ связанъ ни временемъ, ни размѣромъ житія; праздничное богослуженіе, посвященное одному святому и рассчитанное на всю ночь, а также вниманіе слушателей не ставили ему въ этомъ отношеніи рамокъ. Между тѣмъ, чтеніе синаксаря входило въ составъ ежедневнаго богослуженія; каждый день церковь творитъ память нѣсколькихъ святыхъ, иногда великихъ съ вселенской точки зрѣнія; краткія сказанія о туземныхъ святыхъ, предназначенныя не для мѣстъ ихъ прославленія, а для церквей всей страны, должны были, кромѣ краткости, довольствоваться лишь тѣмъ, что требовалось ихъ непосредственнымъ назначеніемъ—опуская внѣшнія подробности, останавливаясь на духовномъ и нравственномъ обликѣ и, отчасти, на чудесахъ святого. Что это вело къ нѣкоторому безличію и преобладанію общихъ мѣстъ, понятно само собой.

Конечно и къ пространнымъ агіологическимъ памятникамъ историкъ долженъ подходить не съ тѣми запросами, какіе онъ въ правѣ предъявлять къ лѣтописямъ или документальнымъ источникамъ. Уже изъ приведенныхъ немногихъ извѣстныхъ намъ фактовъ литературной исторіи житій мы можемъ видѣть то второстепенное значеніе, какое приходится признать за ихъ фактической частью; признанія самихъ авторовъ даютъ на это полное право; ближайшее изученіе нерѣдко также убѣждаетъ въ необходимости относиться къ фактическимъ даннымъ житій съ осторожностью. Это и понятно. Цѣлью агіобіографа было не столько учить читателей или слушателей отечественной или даже монастырской исторіи, сколько привести имъ высочій примѣръ христіанской доблести. Для него святой былъ не только соотечественникомъ и историческимъ лицомъ, но и дѣятелемъ всемірнаго царства Христова и гражданиномъ небеснаго Іерусалима. Но и эти соображенія не были достаточно сильны для того, чтобы дозволить ему относиться безразлично къ своему матеріалу и со спокойной совѣстью замѣнять недостатокъ источниковъ шаблонными построеніями. Дозволяя себѣ послѣднія, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о до-монастырской жизни святого, онъ все таки считаетъ не лишнимъ признаться въ своихъ затрудненіяхъ или сообщить, что житіе написано на основаніи разсказовъ старцевъ „по забвенію“ подвиговъ святого. Уже въ этомъ можно видѣть присутствіе извѣстной доли критики; требовать отъ абиссинскаго грамотея большаго, мы едва ли въ правѣ; было бы несправедливо ожидать отъ него критическаго отношенія къ монастырскимъ воспоминаніямъ, несомнѣнно, въ виду своей устной передачи, подверженнымъ искаженіямъ и прикрасамъ. Но для нашей оцѣнки послѣднее обстоятельство, въ связи съ литургико-гомилетической точкой зрѣнія агіобіографовъ, конечно, должно имѣть существенное значеніе. Мы не имѣемъ права искать въ житіяхъ фактовъ, записанныхъ также своевременно

какъ въ лѣтописяхъ. Только въ одномъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать исключеніе. Подобно агіобіографамъ другихъ христіанскихъ странъ, абиссинскіе часто не ограничивались повѣствованіемъ о земной жизни святаго, но дополняли его сказаніемъ о посмертныхъ чудесахъ. Эта часть ихъ произведеній составлялась по монастырскимъ записямъ или по современнымъ авторамъ разсказамъ, и мы уже имѣли случай осязательно убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ описанія чудесъ въ различныхъ редакціяхъ житій Тахла-Хайманота и Евстаѳіа. Повѣствованія о посмертныхъ чудесахъ важны для насъ и потому, что здѣсь самое свойство дѣла требовало отъ описателя точности и обстоятельности. Тѣ мелкія бытовья подробности, которыя въ другихъ частяхъ трактата казались ненужными, здѣсь тщательно отмѣчаются и снабжаютъ изслѣдователя интереснымъ матеріаломъ. Кромѣ того, чудеса представляютъ единственный источникъ исторіи монастырей. Правда, весьма многія изъ чудесъ шаблонны, но и шаблонность эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ представляется для Абиссиніи характерною. Столь частыя повторенія разсказовъ о спасеніяхъ отъ разбойниковъ, остановленіи солнца, чтобы вернуться домой за-свѣтло, изведеніи воды изъ камня и т. п. находятъ себѣ объясненіе въ абиссинскихъ культурныхъ и физическихъ условіяхъ, а излюбленное описателями хожденіе на духовныхъ колесницахъ и облакахъ къ святымъ мѣстамъ—въ извѣстномъ всѣмъ стремленіи этого народа въ Іерусалимъ и препятствіяхъ физическаго и политическаго порядка.

Но не будучи всегда точны и достовѣрны въ передачѣ фактовъ, агіологическіе памятники шире захватываютъ, глубже обнимаютъ и ярче передаютъ историческую жизнь своего народа, чѣмъ лѣтописи.

То обстоятельство, что послѣднія даютъ подробный разсказъ только съ XVI вѣка, дѣлаетъ житія святыхъ для значительной части предшествующаго періода единственными источниками. Правда, цѣнность ихъ въ этомъ отношеніи далеко не равно-

мѣрна. Если сказанія объ аксумскихъ святыхъ для насъ пока важны лишь для характеристики взгляда на этотъ періодъ въ XV вѣкѣ, если легенды о Лалибалѣ и, особенно, Габра-Манфасъ-Кеддусъ¹⁾ даютъ мало для историка, то житія Тахла-Хайманота, Абія-Эгзіэ и всѣхъ дѣятелей эпохи гоненія освѣщаютъ намъ то интересное, но едва затронутое хрониками время, когда Абиссинія, отрѣзанная отъ христіанскаго міра и одичавшая, пытается возродиться собственными силами, когда вмѣсто культурнаго нѣкогда аксумскаго сѣвера руководящая роль въ ея исторіи переходитъ къ полудикимъ и не вполне просвѣщеннымъ христіанствомъ Амхарѣ и Шоа. Благодаря житіямъ мы начинаемъ узнавать культурную исторію этой эпохи и понимать дѣятельность Зара-Якоба, которая теперь уже не представляется намъ ни неожиданной, ни неподготовленной. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знакомимся съ фактами монастырской колонизаціи, съ распространеніемъ христіанства, съ массой связанныхъ съ этимъ подробностей древней географіи. Но этого мало. Житія даютъ намъ матеріалъ для сужденія объ абиссинской образованности. Мы видимъ, что она почерпалась изъ той литературы, которая представлена въ рукописныхъ собраніяхъ европейскихъ бібліотекъ, и что ею обладали агіобіографы въ большей или меньшей степени. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что даже наиболѣе начитанные изъ нихъ, каковыми были, напримѣръ, авторъ житій Евстаѳіа и Филиппа, умѣвшіе сдѣлать и экскурсію

¹⁾ Пользуясь случаемъ, исправляю недосмотръ, вкравшійся на стр. 76, гдѣ я назвалъ патріарха Авраама, посвятившаго Габра-Манфасъ-Кеддуса „неизвѣстнымъ историкамъ“. 62-й коптскій патріархъ былъ „vir Syrus negotiator nomine Ephraem, qui alio nomine Abrahamus appellatur“ (Renaudot, Hist. patr. p. 366). Память его, какъ святаго, чтится копто-эіопскою церковью 6-го тахсаса—2 декабря. Время патріаршества—его 975—9 г., что дѣйствительно, при трехсотлѣтнемъ пребываніи Габра-Манфасъ-Кеддуса въ Египтѣ, не противорѣчитъ легендарному синхронизму этого преподобнаго и Лалибалы.

во всемірную исторію, и привести, хотя и курьезную, этимологию имени, взятаго изъ классическаго языка, въ тоже время часто путаютъ библейскія цитаты и факты и приводятъ несуществующія мѣста тамъ, гдѣ дѣло выходитъ за предѣлы псалтири и Евангелія отъ Іоанна. Очевидно полные экземпляры Св. Писанія были рѣдки, а наизусть можно было запомнить только то, что часто употребляется въ церковномъ богослуженіи. На апокрифы ссылки дѣлаются также не всегда кстати, но что чтеніе ихъ, особенно апостольскихъ дѣяній, было распространено, на это указываютъ уже географическія представленія абиссинянъ даже о ближайшихъ къ нимъ странахъ и географическіе термины, идущіе изъ апостольскихъ апокрифовъ. Можно указать на слѣды знакомства абиссинскихъ агіобіографовъ и съ древними христіанскими толкователями Библии ¹⁾. Но вообще состояніе христіанскаго просвѣщенія въ Абиссиніи выступаетъ въ житіяхъ не особенно блестящимъ. Суевѣрія, мелочность, педантизмъ, распри и кровопролитія изъ-за догматическихъ и обрядовыхъ тонкостей, полное отсутствіе чувства мѣры, доводящее иногда агіобіографовъ до кощунственнаго превознесенія святыхъ и наивныхъ рассказовъ о постоянныхъ явленіяхъ имъ Бога, ангеловъ и т. п. могутъ произвести тягостное впечатлѣніе. Въ связи съ этимъ стоитъ не всегда высокая мораль, допускающая своего рода сдѣлки грѣшниковъ со святыми и освобожденія послѣдними первыхъ за формальное чествованіе своей памяти. Наконецъ и тотъ крайній аскетизмъ, на который обрекали себя преподобные, и отчасти міряне, можетъ на первый взглядъ показаться излишнимъ и даже страннымъ для насъ, которымъ уставъ св. Василія Великаго привилъ инныя пред-

¹⁾ Напр. обѣтованіе Архангела матери Евстаѳія, что съѣлъ ея „источить изъ двухъ сосцевъ духовныхъ: изъ Моисея—медь, изъ Евангелія—млеко“ (см. стр. 296), какъ будто напоминаетъ ипсолитово толкованіе на Пѣснь пѣсней. Къ сожалѣнію, среди эіопскихъ рукописей переводъ его пока не обнаруженъ.

ставленія. „Воздержаніемъ мы называемъ не совершенное удержаніе себя отъ пищи (это будетъ насильственнымъ разрушеніемъ жизни), но удержаніе себя отъ сластей, предпринимаемое при низложеніи плотскаго мудрованія“ — эти слова были неизвѣстны эіопскимъ монахамъ, но суровые подвиги ихъ тѣмъ не менѣе могутъ найти себѣ объясненіе въ культурныхъ условіяхъ того міра, отъ котораго они отрекались. Дикость, распущенность, погрѣшеніе всѣхъ требованій христіанской нравственности, господствовавшія въ несчастной странѣ, вызывали въ лучшихъ людяхъ реакцію съ ея противоположными крайностями. И надо признаться, что заслуги этихъ людей предъ родной страной, не смотря даже на всѣ недостатки ихъ христіанскаго облика, были громадны. Они одни напоминали современникамъ объ ихъ высокомъ званіи христіанъ, они одни посильно старались объ ихъ исправленіи и обузданіи, они подавали высокіе примѣры служенія высшей идеѣ. Благодаря имъ христіанская культура, національность и государственность не пали въ Абиссиніи окончательно подъ ударами ислама, подобно тому, какъ это случилось въ Нубіи и Египтѣ. Дѣянія этихъ героевъ вѣры заслуживаютъ вниманія историка; житія ихъ представляютъ для него цѣнный матеріалъ.